КУЛИКОВСКАЯ БИТВА

или

МАМАЕВО ПОБОИЩЕ.

Знакомые намъ дѣти шумно усаживались вокругъ Алексѣя Романовича, Алинаго отца; всѣ двоюродные братья и сестры Али были на лицо, и Саша съ Мишей, и Мэри съ Алешей и Сережей и даже подруга ихъ Линочка; всѣ они подросли и поздоровѣли. Дѣти собрались вокругъ дяди, чтобы послушать давно обѣщанный разсказъ о Куликовской битвѣ.

— Ну, насилу то дождались мы твоего разсказа, сказалъ Миша, усаживаясь рядкомъ съ дядей. Алеша, радостно потирая руки, кричалъ: — Ахъ какъ весело! какъ весело слушать историческіе разсказы о доблестныхъ нашихъ предкахъ!

— Да, я очень люблю, когда объ этомъ говорятъ! кричалъ Миша, топоча ногами и хлопая въ ладоши.

— И я, и я, и мы всѣ! сказали дѣвочки, но маленькая Мэри не удовольствовалась спокойнымъ заявленіемъ своей радости, а, присоединясь къ Мишѣ съ Алешей, прыгала, хлопая въ ладоши.

Дядя Сережа, вѣчный участникъ дѣтскихъ забавъ, покрывалъ весь этотъ шумъ громкимъ хохотомъ: — Ай да молодцы, ай да патріоты! говорилъ онъ, — ну, скорѣй въ присядку, да съ присвистомъ! наши предки Русь спасли! ахъ вы гуси, гуси!

— Не правда, дядя Сережа; мы не гуси, отозвались Миша и Мэри, — это князь Викторъ гусь, а мы не гуси.

— О! сказалъ дядя Сережа, — князь Викторъ — Рюриковичъ — гусь–вожакъ, а вы его стая.

— Нѣтъ, нѣтъ! мы такъ не хотимъ! мы не гуси!

— А какая разница, осмѣлюсь васъ спросить, продолжалъ Сергѣй Васильевичъ, дразня дѣтей, — между вами и Викторомъ?

— Еще бы! крикнули Алеша съ Мишей.

— Еще бы! на отвѣтъ замѣтилъ дѣтямъ Михаилъ Павловичъ.

— Да вотъ какая между нами разница, сказалъ Сережа: — Викторъ величается дѣлами своихъ предковъ, самъ же по себѣ ни о чемъ не мечтаетъ и ничего полезнаго не затѣваетъ; мы же сами хотимъ трудиться, и какъ сказалъ намъ Бородинскій Генералъ, такъ и сдѣлаемъ: будемъ изо дня въ день старательно и честно служить...

— Да, мы будемъ служить, дѣлать дѣло, а Викторъ трудиться не хочетъ, онъ поѣдетъ за границу, и не будетъ служить въ военной службѣ.

— Ну, ну, ладно, друзья мои; что то еще сдѣлаете вы? все это пока *буки*, — впереди! закончилъ дядя Сережа, который, какъ извѣстно, любилъ подразнить дѣтей, — а скажите–ка мнѣ вотъ что: съ чего вы взяли, что ваши предки Русь спасли? быть можетъ вы мордва, мещера или татары!

Выходка эта крѣпко озадачила дѣтей.

— Да, продолжалъ неумолимый дядя Сережа, — мнѣ что то сдается, что Алеша —

Литва долгополая, а Миша — Чудь бѣлоглазая.

— Нѣтъ, нѣтъ! я не бѣлоглазая Чудь, кричалъ раскраснѣвшійся Миша, я... я... кто я? спросилъ онъ, обращаясь къ историку дядѣ; тотъ что то въ полголоса отвѣтилъ, и Миша, гордо подбоченясь, объявилъ спорщику дядѣ: — мы изъ Червонной Руси, вот что! мы съ папой Славяне!

— Ну, вы съ папой Славяне, а мы съ мамой твоей изъ Чуди бѣлоглазой, трунилъ надъ нимъ Сергѣй Васильевичъ.

— Ты пускай будешь Чудь, а мамочка моя не была, да никогда и не будетъ Чудью! горячась, кричалъ Миша.

— А мнѣ, говорилъ Алеша, — все равно, пожалуй себѣ зови Литвой долгополой, я знаю, что Литва тѣже славяне русскіе, только зовутъ ихъ Бѣлоруссами.

— Полно вамъ спорить о происхожденіи; у насъ Славяне давно такъ перемѣшались съ инородцами, что, по доброй совѣсти, мудрено разобрать наши рода, да и предки наши никогда ничего не чуждались. По

моему, тотъ истинно русскій, кто любитъ родину, чтитъ ея старину, привязанъ къ народу, радуется добродѣтелямъ и болѣетъ сердцемъ, видя пороки его. Сказавъ это, Алексѣй Романовичъ разложилъ на столѣ двѣнадцати–листовую карту Россіи, указалъ на сердце ея, на Москву, очертилъ границы великаго княжества Московскаго, на сѣверъ отъ него показалъ княжество Тверское; еще выше на сѣверо–западъ, Новгородскія и Псковскія владѣнія; на западъ, великокняжество Литовское; на востокъ отъ Москвы, Суздальское и Нижегородское, а на югъ, княжество Рязанское, Алексѣй Романовичъ замѣтилъ дѣтямъ, что кромѣ этихъ княжествъ было множество мелкихъ удѣловъ, что удѣльные князья враждовали межъ собою, ссорясь отнимали другъ у друга земли, и коли своя сила не брала, то ѣздили судиться въ Орду. Ханъ былъ верховнымъ владыкой Руси; онъ раздавалъ и отнималъ удѣлы, казнилъ непокорныхъ князей, по часту же безъ вины нашей посылалъ жечь и грабить русскую землю; если же гдѣ встрѣчалъ

сопротивленіе, то поднимался самъ съ ордой своей и губилъ безпощадно все; такъ началось знаменитое нашествіе Мамая въ 1380 году. Мамай, разгнѣванный сопротивленіемъ русскихъ князей, поднялъ за собою всѣхъ своихъ союзниковъ: Половцевъ, Армянъ, Фряговъ, Черкасовъ, Ясовъ, перешолъ съ ними степи, и сталъ становищемъ на Дону, при впаденіи въ него рѣки Воронежа: здѣсь сталъ поджидать другаго союзника съ сѣвера, Ягелу Ольгердовича, великаго князя Литовскаго, который, единовременно съ Мамаемъ, хотѣлъ напасть на русское войско. Ходъ Мамаю былъ чрезъ Рязанскую землю; Князь Рязанскій Олегъ, убоясь раззоренія своего удѣла, предался Мамаю, написавъ такую грамоту:

«Восточному вольному великому царю Мамаю, посаженникъ твой и присяжникъ Олегъ, князь Рязанскій, много молитъ тебя: Я слышалъ, господинъ, что ты хочешь идти и грозишься на твоего служебника Дмитрія, князя Московскаго; теперь, всесвѣтлый царь, приспѣло время злата и многихъ

богатствъ. Какъ услышитъ князь Дмитрій имя ярости твоей, убѣжитъ въ далекія мѣста въ Новгородъ или на Двину, а богатство Московское будетъ въ твоей рукѣ; а меня, Олега Рязанскаго, сподоби своей милости, — мы оба твои рабы; я служу тебѣ со смиреніемъ и покорствомъ, а онъ къ тебѣ съ гордостью и непокорствомъ. Я много принялъ великихъ обидъ отъ него, твоего улусника (подданнаго) Дмитрія. А когда я погрозилъ ему твоимъ именемъ, онъ не посмотрѣлъ на это, заграбилъ городъ мой Коломну. Молю тебя, царь, и бью челомъ, накажи его, чтобы онъ чужаго не бралъ».

По лѣтописямъ извѣстно, что Рязанскій князь переговаривалъ также съ Ягелой о томъ, какъ и когда напасть имъ на Дмитрія. Дмитрію же писалъ: Мамай идетъ на меня и на тебя идетъ со всѣмъ царствомъ своимъ въ мою землю Рязанскую, а и то да будетъ тебѣ вѣдомо, что Ягела Литовскій идетъ также на тебя со всею своею силой.

— Дядя! вскричали дѣти, — это сдѣлалъ Русскій князь?.. Дядя, можетъ быть это не правда... русскій князь не поступитъ такъ!

Глядя на недовольныя дѣтскія лица, дядя Сережа покатился со смѣху. — Вотъ вамъ доблестные предки! говорилъ онъ, — давайте–ка, посчитаемъ, не сродни ли намъ этотъ «Олегъ отступникъ нашъ», какъ сказано въ лѣтописи. Что, друзья, небось присмирѣли, и никому изъ васъ не хочется назвать своимъ предкомъ Олега, удѣльнаго князя Рязанскаго, происходившаго отъ Ярослава, Владиміра и самого Рюрика!

Дѣти молча переглядывались, Михаилъ же Павловичъ замѣтилъ своему шурину, что, дразня дѣтей, онъ иногда сбиваетъ ихъ съ разумнаго пути, вотъ какъ напримѣръ теперь: — Ты поставилъ въ позоръ происхожденіе отъ Олега; мнѣ же кажется, что родство съ Олегомъ не кладетъ постояннаго пятна на его потомковъ, но возлагаетъ на нихъ обязанность жить такъ доблестно, чтобы загладить прадѣдовскій грѣхъ. — И всѣ мы болѣе или менѣе должны заслуживать старое: Лѣтописи

наши передаютъ намъ такъ много объ отцахъ дурнаго и прекраснаго, что читая ихъ, замираетъ сердце: Мининъ, Пожарскій, Ляпуновъ, Михаилъ Шуйскій, патріархъ Ермогенъ. Аврамій Палицынъ, бояринъ Шеинъ и рядомъ съ этими, первообразами гражданской доблести, сталкивается постыдная семибоярщина! Но полно! желая замѣтить брату его ошибочный взглядъ, я отвлекъ тебя отъ настоящаго дѣла, сказалъ Михаилъ Павловичъ Алексѣю Романовичу.

— Постой, дядя, только скажи мнѣ одно словечко, просилъ Алеша Михаила Павловича, — скажи, что такое семибоярщина?

— Семибоярщиною называлось то пагубное время, когда на Руси не было царя, а заправляли дѣлами бояре.

Наконецъ Алексѣй Романовичъ приступилъ къ своему прерванному разсказу: — вѣсти Олега встревожили всю Москву; великій князь, по древнему русскому обычаю, напередъ всего помолился Богу, потомъ сталъ повѣщать о

бѣдѣ; сначала извѣстилъ друга и брата своего Владиміра Андреевича, Серпуховскаго князя, потомъ разослалъ гонцовъ по всей землѣ повѣстить слова Мамая: «возьму русскую землю; раззорю Христіанскія Церкви, вѣру ихъ переложу на свою, велю покланяться Магомету, вмѣсто церквей поставлю мечети, русскихъ перебью, а на мѣсто ихъ, посажу своихъ баскаковъ».

— Братья, наказывалъ отъ себя Дмитрій князьямъ русскимъ, — пойдемъ противъ окаяннаго сего безбожнаго и нечестиваго сыроядца (который ѣстъ сырое мясо) Мамая, за правовѣрную вѣру христіанскую и за Святые Церкви и за всѣхъ младенцевъ и старцевъ и малолѣтнихъ и за всѣхъ христіанъ.

Князья наши издревле славились преданностью вѣрѣ, и охотнѣе умирали мученическою смертію въ ордѣ, какъ нашъ благовѣрный князь Михаилъ, чѣмъ измѣнить вѣрѣ своей; а потому, услыхавъ угрозы Мамая, всѣ князья, бояре, воеводы, ратные люди встали, какъ одинъ человѣкъ,

за вѣру и отчизну. Бѣлорусская лѣтопись говоритъ: «и отъ начала міра не бывала такая сила русскихъ князей,» которые, забывъ ссоры и перекоры, дружно спѣшили на зовъ Дмитрія. Первая рать, пришедшая къ князю, была вся лучшая сила Михаила Александровича Тверскаго, личнаго врага Дмитрія; пришли также съ войсками своими единовѣрцы наши, свояки Михаила Тверскаго, братья Ягелы Литовскаго, князья Андрей Ольгердовичъ Полоцкій и Дмитрій Ольгердовичъ Брянскій; они шли за свою вѣру и русь, противу роднаго брата, язычника Ягелы. Пришли князья Бѣлозерскіе, князь Устюжскій, Каргопольскій, Ярославскій, Ростовскій, Прозоровскій, Серпѣйскій и многіе другіе. Москвичи угощали и чествовали гостей своихъ, а гости, по исконному обычаю, звали на свою хлѣбъ–соль; время шло, войска сходились, но языка, т. е. вѣстей объ непріятелѣ еще не добыли. Наконецъ, явился княжій посланный съ вѣстью, что–де идетъ на насъ царь Мамай съ Олегомъ Рязанскимъ, но они не спѣшатъ, а

поджидаютъ Ягелу. Вѣсть объ измѣнѣ Олега огорчила всѣхъ; князья поспѣшили выступить, чтобы не дать времени Ягелѣ подоспѣть къ бою; но прежде всего, по дѣдовскому обычаю, отправились на богомолье. Тогда еще живъ былъ настоятель Троицкой лавры, извѣстный праведною жизнію своею, святой Сергій. Онъ встрѣтилъ князей благословеніемъ, чествовалъ и угощалъ ихъ въ своей обители. Великій князь замѣтилъ между монашествующей братіей двухъ сановитыхъ могучихъ иноковъ, то были постригшіеся братья бояре Брянскіе, извѣстные силой и воинскими подвигами, Дмитрій сказалъ Святому Сергію: — отче, дай мнѣ на брань сихъ иноковъ, мы ихъ знаемъ, они были великіе ратники и сильные богатыри, смышленые въ воинскомъ дѣлѣ и въ нарядѣ.

Преподобный Сергій приказалъ монахамъ готовиться въ походъ; оба инока, Ослябя и Пересвѣтъ, давшіе обѣтъ смиренія и послушанія, молча поклонились Настоятелю, — что было знакъ согласія.

Сергій взялъ черныя схимы съ нашитыми бѣлыми крестами, и надѣвъ ихъ имъ на головы, сказалъ: — Вотъ вамъ, носите это вмѣсто шлема; потомъ обратился къ Дмитрію: — Вотъ тебѣ, великій княже, мои оружники, твои извольники. Окропя всѣхъ святой водой, онъ благословилъ великаго князя, сказавъ ему: — Господь Богъ будетъ тебѣ помощникъ и заступникъ, онъ побѣдитъ и низложитъ супостатовъ твоихъ. Ослябѣ же и Пересвѣту сказалъ: — миръ вамъ, возлюбленные братья мои: — пострадайте, какъ доблестные воины Христовы.

Извѣстно, что Мамай съ становища своего присылалъ къ Дмитрію за данью, но не за такой, которою обложенъ былъ великій князь, — ханъ требовалъ гораздо большей, той, что была назначена при Чанбекѣ. Дмитрій, не желая самъ кровопролитія, да и по совѣту Святаго Сергія, обѣщалъ заплатить ту подать, которую доселѣ платилъ, но Мамай не согласился и отвергъ ее. Ягела собиралъ войско, и Олегъ началъ посылать свои

отряды въ Мамаево становище. Князья же русскіе спѣшили отовсюду. Двадцатаго Августа былъ назначенъ выходъ войскъ изъ Москвы; въ этотъ день князья и воеводы молились въ соборахъ. Дмитрій, помолясь, пошелъ въ Архангельскій соборъ поклониться гробамъ предковъ своихъ, и вышедъ оттуда, сталъ съ князьями осматривать войска, собранные въ Кремлѣ. Въ трехъ воротахъ, черезъ которыя проходила рать, стояло духовенство и кропило ее святой водою. Бодро шла могучая рать; князья и воеводы красовались въ богатыхъ одеждахъ, знамена вѣяли надъ ихъ головами, а бѣдныя жены и дочери ихъ, сидя въ великокняжескомъ златоверхомъ терему, громко голосили. — Увы мнѣ! плакала прекрасная, добродѣтельная Евдокія, супруга Дмитрія, — въ послѣдній разъ гляжу я на своего господина, великаго князя! Дмитрій сказалъ войску: — лѣпо намъ, братія, положить головы свои за вѣру Христову, за то, чтобъ не взяли поганые городовъ нашихъ, чтобъ не запустили

церкви, чтобъ не разсѣяли насъ по лицу земли, а женъ и дѣтей не истомили бы въ плѣну.

— Мы приговорили положить животъ свой, служа тебѣ, и теперь прольемъ кровь свою за тебя! отвѣчала рать.

Въ Коломнѣ присоединились еще войска, и Дмитрій раздѣлилъ ихъ на три отдѣла: правымъ предводительствовалъ двоюродный братъ и другъ великокняжій, Владиміръ Андреевичъ Серпуховской, лѣвый отрядъ велъ Левъ Брянскій, а средній — самъ великій князь. Взяли вожаками купцовъ Сурожанъ, людей бывалыхъ и въ ордѣ и на Сурожскомъ морѣ (Азовскомъ). Переходя Оку и вступая въ Рязанскую, Олегову, землю, Дмитрій положилъ не трогать и не зорить ее. Войска мирно шли къ Дону, къ Мамаеву становищу, откуда приходили вѣсти: — стоятъ де татары, видимо невидимо, ждутъ Ягелу. Наконецъ завидѣли наши Донъ, и остановились. Князья стали совѣтываться, выжидать ли Мамаева перехода или самимъ перейдти къ нему? Голоса раздѣлились:

одни говорили выжидать, а другіе, вмѣстѣ съ Ольгердовичами, настаивали перейдти. Дмитрій согласился съ послѣдними, велѣлъ искать бродовъ и строить мосты, самъ же сталъ съ князьями нашими и съ князьями Литовскими и славнымъ воеводою ихъ изъ Волыни, Дмитріемъ Бобровымъ, устраивать полки. Бояринъ Дмитрій славился не только силою, но и великимъ знаніемъ воинскаго дѣла, какъ то: гдѣ и какъ расположиться, когда нападать, гдѣ укрыть засаду, какъ обмануть непріятеля и проч. Все устроили наканунѣ праздника Рождества Богородицы, 8 Сентября, а ночью войска перебрались черезъ Донъ, не подалеку отъ устья Непрядвы, а какъ только разсвѣло, такъ и построились для битвы на знаменитомъ Куликовскомъ полѣ. Владиміръ Андреевичъ съ Дмитріемъ Бобровымъ и ратью своей пошли въ засаду. Великій князь выѣхалъ къ войску, поклонился, и сказалъ: — Отцы и братья! ради Господа, подвизайтесь за вѣру христіанскую и за Святыя церкви! Смерть будетъ не въ смерть, а въ животъ вѣчный!

Потомъ поѣхалъ къ своему великокняжескому черному знамени, на которомъ въ солнечныхъ лучахъ сіялъ золотой образъ Спасителя. Усердно помолясь, онъ увидалъ вблизи любимца своего боярина Бренка. Дмитрій снялъ съ себя богатую приволоку и накинулъ ее на боярина, ему же отдалъ своего коня, и тогда приказалъ знаменосцу своему нести предъ собою знамя…

— Позвольте, Алексѣй Романовичъ, торопливо сказалъ дядя Сережа, — позвольте васъ перебить: а вѣдь это что то не благовидно, что великій князь нарядилъ въ свой княжій плащъ другаго, какъ бы желая прикрыться чужою головой.

— Не благовидно намъ, не знающимъ дѣдовскихъ обычаевъ, отвѣчалъ Алексѣй Романовичъ. — Но въ старину считалось большою милостью и честью подачка съ царскаго стола, шуба съ царскаго плеча, что же мудренаго, если великій князь, идя на вѣрную смерть, пожаловалъ, на память, послѣдней милостью человѣка, о которомъ

сказано въ лѣтописи: «его же безъ мѣры любляше».

Мамай стоялъ на возвышенности, съ которой черною тучею сходило войско татарское на встрѣчу нашему, нарядившемуся на смерть въ лучшія мѣстныя одежды свои. Дмитрій шелъ впереди подъ своимъ чернымъ знаменемъ; Князья и воеводы, какъ говоритъ лѣтописецъ, много разъ говорили: — княже, господине, не становись съ переди драться, но стань позади, либо съ краю, либо въ другомъ мѣстѣ. Онъ же отвѣчалъ имъ: — Какъ же я воскликну вамъ, братья, ударимъ всѣ до одного, а самъ стану прятаться позади? не могу этого сдѣлать, но хочу и словомъ и дѣломъ положить голову за братій и за всѣхъ христіанъ, чтобы другіе смѣло и усердно сдѣлали тоже.

Войска сходились, татары — дерзкіе и увѣренные въ успѣхѣ своемъ, русскіе же, готовые умереть, но не отступать. Окруженный любимцами, Мамай стоялъ на томъ же холмѣ и смотрѣлъ на обѣ сходящіяся рати: Вотъ изъ татарскаго

полчища гордо выѣзжаетъ Батырь, посмѣиваясь надъ русскими; онъ величается своимъ ростомъ и силою, и вызываетъ охотниковъ помѣриться съ собою. Такіе поединки бывали въ обычаѣ на востокѣ, ими начинались битвы. Инокъ Пересвѣтъ, помолясь, сказалъ иноку, товарищу своему: — Прости братъ, Ослябя, моли Бога за меня! простите и вы отцы и братья! крикнулъ онъ войску и понесся въ схимнѣ своей на татарина. Наѣздники съѣхались, сшиблись, и оба пали мертвыми. Вслѣдъ за тѣмъ, началась сѣча, какой еще не было на Руси, говоритъ лѣтопись: кровь лилась рѣками, какъ дождь изъ тучи, много русскихъ было побито татарами, много и татаръ пало отъ русскихъ; трупы непріятельскіе лежали другъ на другѣ, падали князья и воеводы, татары стали одолѣвать нашихъ, а Владиміръ Серпуховской сидѣлъ въ засадѣ, не смѣя подать помощи своимъ, потому что уговорился съ опытнымъ въ военномъ дѣлѣ Дмитріемъ Бобровымъ не показываться изъ засады, пока тотъ не скажетъ, что пришла

пора. Волынскій воевода молчалъ, а Владиміръ, теряя терпѣніе говорилъ: — Дмитрій, кому пользуетъ наше состояніе, кому помогать будемъ, коли всѣхъ перебьютъ?.. Бѣда, бѣда приходитъ, роптала рать. — Молитесь Богу, отвѣчалъ Дмитрій, — время наше еще не пришло. Воины плакали, роптали, молились. — Владиміръ приходилъ въ отчаяніе, но вѣра въ знаніе Волынца кое какъ держала его на мѣстѣ. Вотъ татары, одолѣвъ, окружили нашихъ и погнали ихъ по полю. Знаменосцы падали съ подсѣченными знаменами, кони бѣжали безъ сѣдоковъ, тогда то Дмитрій Бобровъ, схватясь за мечь, громко воскликнулъ: — теперь нашъ часъ насталъ! помоги намъ Господи! Свѣжее войско русское, выскакавъ изъ лѣсу, бросилось въ тылъ врагамъ, и сѣкло ихъ безпощадно. Обезумѣвшіе татары не знали, что съ ними дѣлается, откуда взялись русскіе, которыхъ они избили? — Видно, Русь перехитрила насъ, сказали они, и пошли на утекъ. Но за ними гнались, ихъ кололи и били; впереди всѣхъ скакалъ

самъ Мамай съ четырьмя подручниками своими, но такъ какъ кони Мамая не были въ дѣлѣ, то они благополучно вынесли его изъ Куликова поля. Часть татаръ бѣжала за Непрядву, другая же къ рѣчкѣ Красной Мечи, и почти всѣ, какъ бѣжали въ разсыпную, такъ и полегли! — все становище Мамая съ большимъ богатствомъ досталось побѣдителю. Ужь вечерѣло; воины наши стали съѣзжаться. Владиміръ изъ первыхъ подъѣхалъ къ великокняжескому знамени и, не найдя тамъ Дмитрія, велѣлъ трубить сборъ; — прошелъ часъ, другой, многіе сошлись и съѣхались, но Дмитрія не было. Заплакалъ Владиміръ и поѣхалъ по полкамъ собирать вѣсти о великомъ князѣ. Одни говорили: около пяти часовъ мы видѣли его въ сильной сѣчѣ, другіе видѣли еще позднѣе, а я, сказалъ Юрьевскій князь Степанъ, видѣлъ его не за долго до твоего пріѣзда, онъ еле брелъ по полю, за нимъ увязались четыре татарина; убивъ одного, я погнался за другими, убилъ еще двоихъ, а послѣдній убѣжалъ; князя же послѣ того не видалъ,

онъ должно быть раненъ и лежитъ гдѣ нибудь на полѣ.

— Братья, воскликнулъ Владиміръ Андреевичъ, — велика честь будетъ тому, кто отъищетъ великаго князя!

Воины разсѣялись по полю, ищутъ Дмитрія Іоановича между трупами, которые горою лежатъ тамъ, гдѣ схватка была сильнѣе. — Нашли! кричатъ воины.

Владиміръ Андреевичъ повернулъ своего коня и началъ пробираться въ ту сторону, откуда повѣстили, что нашли великаго князя; — но то былъ Бояринъ Михаилъ Андреевичъ Бренкъ; — любимецъ Дмитрія лежалъ мертвый! нѣкоторые, признавъ на немъ княжью приволоку, приняли Бренка за Дмитрія.

— Нашли! убитъ! закричали въ другой сторонѣ. Скрѣпясь, поѣхалъ туда Владиміръ, — но опять ошиблись, — то был Ѳедоръ Семеновичъ Белозерскій.

— Здѣсь, здѣсь! послышалось изъ ближайшей дубравы справа; два ратника, Костромичи, Сабуровъ и Хлопищевъ, отъискивая князя, повернули въ рощу, и

увидавъ подъ ссѣченною березою распростертаго человѣка, подошли къ нему и узнали князя, который лежалъ безъ чувствъ; но замѣтя его дыханіе, они закричали: — Князь живъ! Дмитрій Іоановичъ живъ!

На этотъ радостный зовъ, прискакали Владиміръ Андреевичъ съ князьями, и, наклонясь къ Дмитрію, поздравили его съ побѣдою. Дмитрій открылъ глаза, но былъ безъ памяти. Наклонясь къ нему, Владиміръ Серпуховской радостно сказалъ: — Братъ! Господь даровалъ тебѣ побѣду! мы побѣдили!

— Кто это говоритъ? спросилъ великій князь, стараясь опомниться.

— Я говорю тебѣ, я, братъ твой Владиміръ.

Медленно, съ трудомъ опомнился Дмитрій Іоановичъ; доспѣхи его были всѣ изсѣчены, но ранъ на тѣлѣ не оказалось. Съ него сняли тяжелое вооруженіе, и когда онъ совсѣмъ опомнился и отдохнулъ, то рзасказали ему про конецъ битвы.

— Подлинно разуменъ ты, Дмитрій, сказалъ великій князь Боброву, — и тебѣ слѣдъ завсегда быть воеводою! Потомъ, Дмитрій Іоановичъ пожелалъ объѣхать мѣсто битвы. Усадивъ его на коня, повезли по полю. Не радостно было смотрѣть на кровь и на тѣла убитыхъ товарищей; узнавъ инока Пересвѣта, князь, крестясь, указалъ на него: — вотъ починальникъ нашъ! Плача и молясь, узнавалъ онъ убитыхъ сподвижниковъ своихъ, князей, воеводъ и бояръ: увидалъ и Бренка и тысяцкаго своего Микулу и другаго инока Осляблю, далее лежали князья Бѣлозерскіе, князья Тарусскіе и множество другихъ удѣльныхъ князей и доблестныхъ воеводъ и бояръ. Оставшіеся въ живыхъ, молясь и поминая покойниковъ, печально объѣзжали поле.

Что бы съ честію похоронить ратниковъ, Дмитрій оставался восемь дней на Куликовскомъ полѣ. Тѣла князей и боряъ развезли по ихъ удѣламъ и вотчинамъ; оба–же бояре–иноки покоятся у насъ въ Москвѣ, въ Симоновомъ монастырѣ, гдѣ недавно воздвигли надъ ихъ могилами

чугунную гробницу съ сѣнью, въ видѣ шатра; во главѣ гробницы образъ, передъ нимъ виситъ драгоцѣнная позолоченная лампада съ рубинами и изумрудами, присланная Государыней Императрицей къ празднику пятисотлѣтія Симоновской обители.

За Куликовское побоище, бывшее на берегу Дона, потомство прозвало Дмитрія Іоановича — Донскимъ, а брата его, Владиміра Андреевича Серпуховскаго — Храбрымъ. Съ той поры, Куликовское поле, на которомъ бились наши съ татарами, извѣстно каждому, не только грамотному, но и безграмотному русскому человѣку. Противникъ нашъ Ягело, не подоспѣвъ на помощь къ Мамаю, вернулся въ Литву, туда же бѣжалъ со всей семьей своею Олегъ Рязанскій.

— И такъ, дѣти, хотя Куликовская битва и не совсѣмъ освободила Русь отъ рабства татарскаго, но показала, что если князья дружно станутъ за общее дѣло, то одолѣютъ орду.

— Дядя, въ которомъ году это было? спросила Лиза.

— Въ 1380 году, 8 сентября, отвѣчалъ Алексѣй Романовичъ, и затѣмъ прибавилъ: — около того–же времени, въ 1384 году другое, соплеменное и единовѣрное съ нами государство Сербское, сражаясь съ турками и потерявъ битву на Косовомъ полѣ, безвозвратно попало подъ власть такихъ же мусульманъ, какъ наши татары, и вошло въ составъ ихъ Турецкаго государства.

— Зачѣмъ же они всѣ поголовно не пошли на войну? кабы всѣ до одного пошли, такъ бы ихъ не побѣдили, сказалъ Миша.

— Сербы всѣ были на лицо, бились какъ наши, но превосходная сила одолѣла ихъ, и они почти всѣ легли на Косовомъ полѣ, вмѣстѣ съ королемъ своимъ Лазаремъ.

— Дядя, просили дѣти, — разскажи намъ, про битву на Косовомъ полѣ, — это должно быть очень хорошо и жалко!

— Конечно, разсказъ этотъ не радостенъ; онъ напоминаетъ нашу

несчастную битву при Калкѣ въ 1224 году, послѣ которой Русь, на двѣсти слишком лѣтъ, подпала подъ жестокое иго татарское.

— Я не стану слушать разсказа ни о Косовомъ полѣ, ни о битвѣ на Калкѣ, шепнула Саша Лизѣ съ Линой.

— Отчего? спросила Лиза.

— Оттого, что мнѣ очень жаль нашихъ предковъ.

— Лина вздохнула и задумалась, а Лиза стала утѣшать сестру, говоря: — Да вѣдь ужь это прошло, вѣдь теперь мы давно вольные.

— А Сербы? печально сказала Саша.

— Сашечка, я тебѣ вотъ что скажу, съ жаромъ заговорила Лиза: — Сербское княжество, какъ говоритъ дядя, почти свободно; а есть еще другое маленькое Сербское государство, такъ ужь въ томъ живутъ совершенно вольные сербы, ихъ зовутъ Черногорцами, потому что они издревле поселились на Черной горѣ.

— А прочіе Сербы? спросила Саша.

— Ну, тѣ не свободны.

В. ДАЛЬ